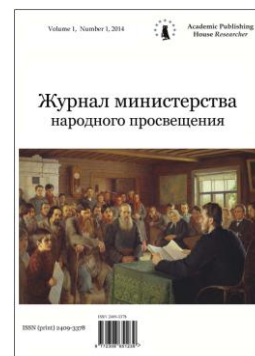

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
Has been issued since 1834.
ISSN: 2409-3378
E-ISSN: 2413-7294
Vol. 6, Is. 4, pp. 205-215, 2015

DOI: 10.13187/zhmnp.2015.6.205
www.ejournal18.com

UDC 94(47).08 +37.014+316.444.5

Women's Eparchial school as a Mechanism of Social Mobility at the turn of XIX–XX centuries

Olga D. Popova

Ryazan State University named for S. Esenin, Russian Federation
Dr. (History), Professor
E-mail: od-popova@mail.ru

Abstract

This is the analysis of the possibilities for professional realization and social mobility for graduates of the eparchial girl's schools. The author of this article shows that the eparchial girl's schools were the first educational institutions for people from poor social classes. The analysis of the training plans of the women's gymnasium and eparchial girl's schools showed a lower level of women's education in eparchial girl's schools. The article shows graduates of the eparchial girl's schools much more difficult to realize themselves in the profession and harder to do the higher female courses.

Keywords: eparchial girl's schools, the women's gymnasium, training plans, competition in higher education, daughters of the clergy, social mobility, social role, professional realization.

Введение

Система образования как социальный институт выполняет множество функций. К ним относится и функция социального лифта. Каждый ученик, студент, получая образование, не только желает повысить свой культурный уровень, но и рассчитывает занять определенное место в системе социальной стратификации. При этом он, безусловно, желает подняться по социальной лестнице. Поэтому, оценивая историческую роль той или иной системы образования, очень важно найти ответы на вопросы: какую роль играли те или иные учебные заведения в системе социальной мобильности, на какое изменение социального статуса мог рассчитывать выпускник определенного учебного заведения. Представляется, что, исследуя историю дореволюционной системы образования, необходимо обращать внимание и на эти вопросы. Особенностью развития учебных заведений в дореволюционной России, было то, что они в полной мере отражали сословную структуру российского общества. Поэтому и возможности у выпускников даже средних общеобразовательных учебных заведений была разная. В этом плане очень большой интерес представляет история женских учебных заведений духовного ведомства. Первые училища для дочерей духовенства появились в середине XIX века, их сеть начала стремительно расширяться за счет епархий. Епархии на свои деньги создавали учебные заведения для дочерей своего духовенства. Вот эти учебные заведения в эпоху «Великих реформ» были преобразованы в женские епархиальные училища [1, 2]. В целом епархиальное духовенство уделяло много внимания своим учебным заведениям, епархии изыскивали деньги не только на содержание воспитанниц, но и даже на строительство зданий.

Материалы и методы

Ответ на поставленные вопросы возможен лишь с позиций социокультурного и системно-образующего подхода к исследованию культуры и системы образования как части культурной системы России, как к целостной системе. Социокультурный подход предполагает многофакторный анализ взаимодействия социальных, культурных и религиозных аспектов жизнедеятельности человека и общества. Системно-образующий подход рассматривает культуру не как совокупность отдельных ее элементов, а как изучение взаимодействия и взаимовлияния социальных и культурных элементов в определенной исторической и общественно-политической среде: в эпоху реформ и контрреформ, в условиях столицы и провинции и т.д. Ведущая роль в исследовании принадлежит сравнительному методу, поскольку в работе исследуется система, состоящая из многочисленных звеньев – отдельных учебных заведений, разбросанных по разным городам, а сама система духовных учебных заведений являлась элементом всей системы образовательных учреждений России.

Важным источником для написания данной работы являлись учебные планы учебных заведений: женских епархиальных училищ, женских гимназий, мужских классических гимназий, которые были выявлены на основе анализа уставов учебных заведений, расписаний уроков в Рязанском женском епархиальном училище [3-8]. Сложность сравнительного анализа состоит в том, что учебные планы учебных заведений менялись в разное время, более того, ряд документов, в частности новые учебные программы женских епархиальных училищ 1895 года не были опубликованы.

Большую информацию несут правила поступления на Высшие женские курсы за 1916 год [9]. Опять же специфика функционирования высших женских курсов в России состояла в том, что они как негосударственные учебные заведения могли самостоятельно устанавливать каждые свои собственные правила поступления.

Процесс ментального восприятия обществом социальных трансформаций, изменения социальных ролей очень ярко представлены в мемуарных источниках. В этом плане очень интересны выпускницы первых медицинских женских курсов А. Шабановой, в которой очень ярко представлены проблемы профессиональной реализации первых женщин-врачей [10].

Обсуждение

Теория социальной мобильности была заложена в трудах П. Сорокина, который относил образование к одному из механизмов социальной мобильности. Он также подчеркивал, что интенсивность, специфика мобильности зависит от особенностей исторической эпохи, специфики общества, состояния уровня производства и образования [11, С. 373-405]. Поэтому тема социальной мобильности является практически неисчерпаемой, поскольку неизбежные социальные процессы в обществе меняют условия социальной стратификации и социальной мобильности. В частности в современной науке одной из актуальных проблем является оценка потенциальных возможностей института образования как канала занятия наиболее престижных должностей в условиях практически всеобщего высшего образования [12, 13]. Специфика социальной мобильности в дореволюционной России состояла в том, что она была связана с процессом перехода из одной социальной группы в другую, а также процессом самоопределения себя в этой новой социальной группе. Также процесс социальной мобильности на рубеже XIX–XX веков сопровождался ломкой представлений о традиционных социальных ролях в обществе с позиций как профессиональной, так и гендерной стратификации. В этом плане большой интерес представляет исследования американских исследователей К. Руан и Л. Манчестер, которые как раз изучали механизмы вхождения женщин в лоно учительской профессии и проблемы перехода духовенства в различные социальные слои [14, 15]. Также важным для понимания специфики социальной мобильности в России на рубеже является осознание социального статуса различных сословий, а также исследования раскрывающие особенности получения образования в России. В этом плане большой интерес представляют исследования Т.Г. Леонтьевой, в которых автор анализирует особенности реагирования духовного сословия на процесс реформ и внедрения представителей духовного сословия в различные сферы общественной жизни [16]. Работы Т.Б. Котловой, А.Е. Иванова,

А. Кузнецова вводят нас в мир ученых заведений дореволюционной России. Результаты этих исследований позволяют выявить специфические особенности каждого типа учебного заведения в России [17-19]. Однако данные исследования практически не рассматривали специфику женских епархиальных училищ как механизма социальной мобильности и место епархиалок в социальной стратификации России.

Результаты

С учетом сословной системы образования России очень трудно понять место женских епархиальных училищ в системе среднего общеобразовательного образования. Большое значение имеет сравнительный анализ их учебных планов с планами министерских женских и мужских гимназий. Такой анализ показывает, что епархиальные училища давали более скромное образование. На это указывает в первую очередь срок обучения. Если женские гимназии были в конце века семиклассными, а мужские даже восьмиклассными, то епархиальные училища даже в начале XX века продолжали оставаться шестиклассными. При совпадении перечня преподаваемых предметов в женских гимназиях и женских епархиальных училищах обращает внимание, что в епархиальных училищах значительно больше отводилось часов на изучение Закона Божьего. В период формирования системы женского образования (1858–1868 годы) количество часов по арифметике и русскому языку в епархиальных училищах было даже больше, чем на заре формирования министерских женских училищ в 1858 г., а количество часов по географии и истории совпадало. Затем во второй половине XIX века с развитием женского образования женские епархиальные училища начинают отставать от женских гимназий. Количество уроков, отводимых на изучение русского языка, арифметики и геометрии, истории, физики было меньше, чем в женских гимназиях. В свою очередь женские гимназии отставали по своему образовательному уровню от мужских гимназий. В 1875 году в мужских гимназиях был установлен 8-летний срок обучения. В мужских гимназиях существенно больше часов отводилось на изучение русского языка и словесности, арифметики, истории, физики, обязательным было изучение новых и «классических» языков. Женские гимназии не являлись «классическими», поскольку в них не преподавались латинский и древнегреческий языки.

В 1874 году преподавание латинского и греческого языков, а также педагогики было введено в женских гимназиях в качестве необязательных предметов [8, С. 23], в епархиальных училищах эти предметы вообще не вводились даже в качестве необязательных. Новые языки, как в епархиальных училищах, так и в женских гимназиях преподавались как необязательные предметы. Уже сам факт преподавания предметов в качестве необязательных говорит о том, что эти предметы могли преподаваться не во всех гимназиях и училищах, их могли посещать не все ученицы, и, следовательно, гимназии и епархиальные училища не могли гарантировать освоения этих предметов всеми ученицами. Таким образом, девушка, поступающая в женское епархиальное училище, не могла получить тот уровень образования, который давали гимназии.

Однако епархиальные училища имели и определенные неоспоримые преимущества. Это были первые учебные заведения, которые открыли дорогу к образованию для дочерей очень небогатого сословия. Часть воспитанниц епархиальных училищ содержались за счет епархий. На такие места попадали сироты, дети из многодетных семей. Значение епархиальных училищ хорошо выразил в своей речи начальник Полтавской губернии А.К. Бельгард на праздновании храмового праздника в 1896 году: «Своими заботами и усилиями Полтавское духовенство достигло того, что всякий даже бедный член его – псаломщик или вдова – может надеяться, что дочь его получит полное, законченное образование и будет подготовлена к жизни. Этого нет ни в каком другом сословии, и я искренне советую другим сословиям брать пример с сословия духовного» [20, С. 30].

Еще одним преимуществом было наличие интерната. Женские же гимназии не брали на себя заботу о быте гимназисток. Гимназии в первую очередь предназначались для городских девочек, однако в начале XX века все больше девочек из сельской местности приезжало в город учиться. При этом стремительно менялся социальный состав учащихся в женских гимназиях. В начале XX века в гимназиях почти половина воспитанниц была из городских и сельских сословий (45 %) [17, С. 148]. Именно последней категории приходилось

наиболее трудно в бытовом плане. Пансионы и общежития существовали далеко не при всех гимназиях, и многим приходилось снимать квартиру, на что денег у многих не было. Таким гимназисткам приходилось буквально пробивать себе дорогу в жизнь. Учитель барнаульской гимназии Н.Ф. Шубкин в своем дневнике писал об условиях жизни одной из воспитанниц своей гимназии, где преподавал: «Недавно случайно узнали, например, в каком положении находится одна из наших учениц (шестиклассница А-ва). Она дочь бедного крестьянина, который не в силах ее содержать. И вот девушка за квартиру и хлеб поступила в кухарки в семью одного столяра. По утрам она встает в половине шестого, доит коров, стряпает хлеба, угощает ребят и потом идет в гимназию, а после уроков опять хозяйничает, не брезгуя никакой черной работой и не получает за это жалованья. Приходится удивляться, что при таких условиях она смогла порядочно учиться» [21, С. 48]. Воспитанницы женских епархиальных училищ были избавлены от такой тяжелой участи. У тех священников, у которых не было совсем денег, был шанс, хотя и не очень верный, устроить свою дочь на церковнокоштное содержание. Как писала воспитанница Рязанского женского епархиального училища Антонина Звукова: «Почему предпочитали отдавать детей в епархиальное училище? <...> Потому что тут постановка дела была лучше. В гимназии надо было сдавать на квартиру, беспокоиться, а тут спокойно: отдал деньги и знаешь, что о ребенке забота будет ...» [22, Л. 5].

На что могла претендовать выпускница женского епархиального училища, и какое место занимала она среди выпускниц других средних женских учебных заведений? Ответ на этот вопрос является важным показателем роли женского духовного образования в изменении общественного положения женщины, поскольку от престижности образования зависели возможности профессиональной реализации. Возможность получения престижного места по сей день зависит от престижности полученного образования. Как уже говорилось выше, первоначально в момент создания первых учебных заведений для дочерей духовенства их выпускницы получали только свидетельство об окончании курса, без каких-либо юридических прав. Предназначение девушки из семьи священника быть женой и матерью не зависело от образования.

К середине XIX века стремительно меняется не только социальный состав России и облик провинциального города, но и положение женщины в обществе. Петр I вывел женщину из терема в светское общество – на балы и светские рауты, эпоха же Александра II вывела женщину в общественную жизнь как равноправную ее участницу и производительную силу.

Особенно стремились к общественно-полезной деятельности девушки, получившие образование. Образование, полученное в гимназии или епархиальном училище, давало право на педагогическую деятельность в качестве учительницы начальных школ. Особенностью мировоззрения интеллигенции в то время было чувство ее неоплатного долга перед народом. С деятельностью интеллигенции было связано развитие народного образования, просвещения и науки. Многие выпускники учебных заведений разного уровня стремились служить для бедного народа. Это движение затронуло и женскую половину общества. Исследование Учительского дома показало, что наибольшее число учениц старших классов гимназий мечтали стать сельскими учительницами. Для многих из них – это был сознательный выбор, который был обоснован мотивом служить на пользу общества. «Я хочу быть полезной для людей, которые, быть может, еще не знают о том, что узнала я при помощи ученья. Как сама я узнала многое от ученья, так и желаю, чтобы мои знания не пропадали» – писала одна из выпускниц гимназии [18, С. 273]. Конечно, не все исходили при выборе своего будущего из идей гражданского долга. Для многих главным мотивом была необходимость зарабатывать деньги. Однако, как указывает Т.Б. Котлова, такая аргументация встречается значительно реже, чем стремление приносить пользу, а, по сути, соответствовать гражданскому идеалу того времени [18, С. 273].

Сложнее было с выпускницами женских епархиальных училищ. Формально они также получали право на звание домашней учительницы и могли преподавать. С одной стороны духовенство само приветствовало развитие образовательных учебных заведений для своих дочерей, поскольку образованная девушка могла сама зарабатывать и, следовательно, проблема с устройством ее будущего решалась проще. Отцу семейства не надо было искать жениха, чтобы «сбыть товар», не надо было заботиться о ее будущем. Образованная девушка

могла заработать на жизнь себе сама. Поэтому, как считает Т.Г. Леонтьева, епархиальное духовенство поддерживало идею открытия епархиальных училищ, жертвовало деньги на их содержание [16, С. 148]. Именно этим объясняется тот факт, что в епархиальных училищах растет процент выходцев из духовного сословия, не оставляя место представителям других социальных слоев. Первоначально светские ученицы составляли 1/3 всех учащихся, затем их число начинает сокращаться [23, С. 115]. Если говорить в целом по России, то А. Кузнецов приводит такие данные: до 1878 года светские воспитанницы вообще не учились в епархиальных училищах, затем их число составляло примерно 1–1,3 тысячи на 8–10 тысяч воспитанниц, в начале XX века их численность удерживалась примерно на уровне 1,7 тысячи при общем числе 21 тысяча воспитанниц [19, С. 182]. Однако сфера применения труда выпускницы епархиального училища была гораздо уже, чем выпускницы гимназии. Из-за отсутствия в программе танцев, рисования и новых языков их неохотно брали в частные дома в качестве домашней наставницы.

Даже сфера применения педагогического труда оставалась сословно разделенной, так как зависела от законченного учебного заведения. Выпускницы институтов благородных девиц принимались в богатые дома в качестве гувернанток, где ценилось их знание языков, рисования, музыки. Они же трудились в качестве классных дам, начальниц женских учебных заведений. Преподавательская работа в средних женских учебных заведениях требовала диплома о высших женских курсах. А вот диплом домашней учительницы давал самые малые перспективы: сельская учительница церковно-приходской школы или учительница начальной школы. Этот труд был самым малооплачиваемым и малочетным в обществе. Церковно-приходские школы были не очень популярны в народе, вызывали много нареканий и критики, особенно со стороны интеллигентных слоев России, из-за достаточно скудных учебных программ и усиленного религиозного воспитания.

Одновременно вторая половина XIX века – характеризуется борьбой за открытие и полноправное существование наравне с университетами особых женских высших учебных заведений. Они получили название высшие женские курсы. Правительство за таким названием хотело спрятать и оставить неопределенным их статус, чтобы всегда была возможность для отступления, что было на практике не раз. Например, в 1880 году было введено официальное звание для женщин с высшим медицинским образованием, получившим его на первых медицинских женских курсах, – «женщина-врач». В 1882 году эти курсы были упразднены, а 4 января 1883 года женщины-врачи, получившие это звание, были переименованы в «ученые акушерки», что значительно сокращало сферу их деятельности и меняло их статус [10, С. 296]. В общественном мнении шла острая борьба между сторонниками и противниками открытия высшей школы для девушек. Консервативная часть общества не хотела признавать женщину в каком-либо ином качестве, кроме как учительница. Однако даже в лоне учительской профессии девушкам было очень не просто. В этом плане представляют интерес статьи американского автора Кристиан Руан, которая исследовала ментальное восприятие женщин-учительниц в российском обществе. В результате она пришла к выводу, что женщины в качестве учительниц воспринимались с трудом, как в крестьянской среде, так и в среде коллег-мужчин. Крестьяне видели в образованных женщинах «леди» и «буржуа», которые не желают участвовать в жизни деревни. Не принимали женщин в свой стан и учителя-мужчины. Они считали, что женщина не сможет найти общий язык с крестьянином, не сможет жить в его доме, не сможет пожать руки крестьянину и др. В итоге Кристиан Руан приходит к выводам, что женщины-учительницы остались посторонними не только в деревне, но также и в профессиональных кругах [14, р. 122]. И эти выводы относятся к наиболее традиционной для женщины роли. Каково же приходилось женщинам желающим участвовать в других сферах общественной жизни? Например, когда в середине XIX века на медицинских факультетах стали появляться девушки, мужская часть аудитории в знак протеста покидала лекционный зал. Девушки – воспитанницы первых женских медицинских курсов, так и не получили полноправного звания врача, это при том, многие из них подтвердили свой профессионализм, проявив мужество и отвагу на полях очередной русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) [10, С. 295].

В начале XX века получение высшего образования, учеба на высших женских курсах была мечтой, исполнения которой могли добиться только наиболее целеустремленные

девушки. В 1916 году в России действовало 28 женских курсов: 12 в Санкт-Петербурге, 8 в Москве, 8 в других городах [9]. Мечтали об этом и воспитанницы женских епархиальных училищ. Каковы у них были шансы стать курсистками, насколько хватало для этого образования, полученного в епархиальном училище? Анализ правил поступления на имеющиеся в 1916 году в России 28 высших женских курсов показал, что единых правил поступления на высшие курсы не существовало, каждое учебное заведение само разрабатывало правила набора на первый курс. Однако общее, что объединяет все курсы – это то, что вступительных экзаменов как таковых не проводилось, а прием осуществлялся по так называемому конкурсу аттестатов. Формально в этом конкурсе могли принимать участие выпускницы всех средних женских учебных заведений. Исключение составлял Императорский женский педагогический институт. Правила поступления этого учебного заведения особо оговаривали, что его студентками в первую очередь могут стать выпускницы гимназий Ведомства учреждений Императрицы Марии. При этом обязательными условиями было получение образования в необязательном VIII классе, наличие золотой медали и оценки по одному из иностранных языков [9, С. 3]. Таким образом, это учебное заведение в принципе было недоступно для выпускниц женских епархиальных училищ.

Самые престижными на тот момент считались Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (Бестужевские) и Высшие женские курсы в Москве. Правила поступления довольно подробно ранжировали претенденток на звание курсисток по предъявленным аттестатам. В первую очередь зачислялись те, кто представил свидетельства о высшем образовании, но таковых было немного (по данным А.Е. Иванова – 0,5–1,5 % от всех поступающих) [17, С. 151]. Из остальных конкурсанток неоспоримым преимуществом пользовались те, кто представил свидетельства о сдаче экзаменов за восемь классов мужской гимназии, затем зачислялись выпускницы Министерских гимназий со средним баллом 4 1/2 или 11 1/2 (при 12 бальной системе оценок) [9, С. 5]. Также преимущественным правом зачисления пользовались те выпускницы епархиальных и коммерческих училищ, которые выдержали дополнительные экзамены при мужской гимназии по русскому языку, физике, математике, латинскому языку и по одному из новых языков. Владельцы аттестатов женских епархиальных училищ зачислялись после выпускниц министерских гимназий и сдавших дополнительные экзамены в гимназии. Большое значение имел средний бал: высокий средний бал (4 1/2) в аттестате епархиального училища давал преимущество даже перед министерским свидетельством со средним баллом ниже 4 1/2. Таким образом, епархиалки обладали формальным правом быть зачисленными на высшие курсы наравне с обладательницами министерских свидетельств о среднем образовании. Однако последние пользовались неременным преимуществом. При этом конкурс на эти курсы был существенным. Так, процент отсева во время такого «состязания аттестатов» в 1904–1915 годах составлял от 19 до 60 %. Наиболее высокий конкурс был в 1907/1908 учебном году, когда при 3593 прошениях было принято только 1480 слушательниц [17, С. 154]. Основную долю мест занимали выпускницы министерских гимназий. В начале XX века полной гарантией зачисления на самые престижные курсы могла быть только золотая медаль министерской гимназии или свидетельство о сдаче экзаменов за VIII класс мужской гимназии. Так, одна из выпускниц юридического факультета Бестужевских курсов Ольга де Клапье вспоминала, что золотая медаль Минской гимназии позволила ей быть зачисленной только «кандидаткой» в курсистки, одновременно руководство курсов предложило ей поступить на юридический факультет, куда конкурс был ниже, чем на другие факультеты [24, С. 13].

Таким образом, у выпускницы епархиального училища, мечтающей о самых престижных курсах, было два варианта: или уповать на судьбу и молить Бога, чтобы ей улыбнулась удача при конкурсе аттестатов, или же заканчивать дополнительно VIII класс женской гимназии, а самым верным был вариант сдачи экзаменов за курс мужской гимназии. Этот самый верный вариант требовал наибольших усилий и дополнительных самостоятельных занятий, на что порой не было ни сил, ни подготовки, ни учебников, ни поддержки родителей.

На другие высшие курсы конкурсные правила были не столь изощренны, однако для епархиалок ограничения были и в большинстве учебных заведений. Например, на женские

Политехнические курсы епархиалок принимали только после окончания восьмого класса епархиального училища, с отметками не менее 4-х по физике и математике. На медицинское отделение при высших женских курсах в Киеве епархиалки принимались в 3-ю очередь. Без каких-либо оговорок, только с формулировкой «лица имеющие среднее образование» слушательницы принимались на Высшие курсы П.Ф.Лесгарфта, на Высшие курсы Полторацкой, женские строительные курсы, Харьковские Высшие курсы. Некоторые медицинские курсы не делали в правилах никаких оговорок для епархиалок. Например, женский медицинский институт проводил зачисление просто по времени подачи документов. Однако одновременно требовал для тех, кто не имел аттестата 8-го класса министерской женской гимназии, сдать экзамены экстерном в мужской гимназии по русскому языку, латыни, математике и физике до начала учебы или в течение 2-х лет учебы на первых курсах [9, С. 13-29]. Таким образом, требования этих курсов по сравнению с самыми известными отличались тем, что давали некоторую отсрочку. Также большинство медицинских курсов требовало сдачи латинского языка за курс мужской гимназии или до учебы или в первые годы учебы.

Немалое значение в конкурсе имела специальность. В 1916 году высшие курсы позволяли получить образование по весьма разнообразному спектру специальностей. Высшие курсы общенаучного профиля (историко-филологические или физико-математические) давали право на преподавательскую работу в средних женских учебных заведениях. Именно эта специальность была ближе всего духовенству, которое с большим трудом соглашалось на занятие женщиной каких-либо других должностей. Одновременно высшие курсы открыли дорогу к инженерным специальностям, к медицине. Однако на наиболее близкие для духовенства педагогические направления конкурс был больше всего. Опросы гимназисток в 1912/1913 учебном году, проведенные Педагогическим музеем Учительского дома в Москве, показали, что более 50 % девочек мечтают стать учительницами. Следующей по популярности была медицина, причем, как отмечает Иванов А.Е., популярность медицинской специализации постепенно падала, поскольку сфера применения труда женщин с высшим медицинским образованием была очень узкой из-за неприятия обществом женщин занимающихся медицинской практикой. Еще меньшей популярностью пользовалась юриспруденция и инженерные специальности [17]. Поэтому выпускницы епархиальных училищ оказывались в рамках жесткой конкуренции, которая еще сильнее усложнялась рамками общественного сознания, особенно в среде духовенства. Неофициальные духовные периодические издания неоднократно поднимали эту проблему [25, С. 472].

В такой борьбе реализовать свою мечту и стать курсисткой могли только наиболее целеустремленные личности. В противоположном случае им приходилось довольствоваться наименее престижными курсами, а не все курсы в России в начале XX века имели хорошую репутацию и могли гарантировать высокий уровень знаний.

Некоторые епархиальные училища пытались преодолеть проблему упрощенности курса самостоятельно, открывая 7-е дополнительные педагогические классы. Первые такие классы были открыты уже в конце XIX века. Материалы духовной периодики и документы Св. Синода позволили установить, что это явление имело в начале XX века массовый характер. В начале XX века в некоторых епархиальных училищах открываются и 8-е дополнительные классы. Однако разработка учебных программ каждым училищем самостоятельно не могла создать единой системы. Законодательно такие классы были утверждены только после первой русской революции. Поэтому свидетельства об окончании таких классов могли учитываться лишь при определении на место.

В редких случаях воспитанница епархиального училища могла получить поддержку со стороны какой-либо заинтересованной стороны: епархиального начальства, губернатора и т.д. В 1904 году рязанский съезд духовенства учредил стипендию при Санкт-Петербургском медицинском университете с ежегодным ассигнованием 300 руб., которая была назначена выпускнице Рязанского епархиального училища 1896 года – дочь умершего священника П.П. Миронова. Однако рязанское духовенство преследовало свой интерес – иметь женщину-врача при училище [26, Л. 11]. Безусловно, здесь большую роль играл практический интерес, а не идея высшего образования.

Выше уже говорилось, что несравненным преимуществом епархиальных училищ был

интернат. Однако с другой стороны это было и минусом, в том смысле, что епархиалки были меньше адаптированы с бытовой стороны, нежели те ученицы гимназии, которые уже имели опыт жизни на квартире. Данный факт косвенным образом также мог снижать число епархиалок на женских курсах, поскольку девушке надо было преодолеть еще и психологические трудности: страшно было отправиться в далекий город, где кроме вопросов учебы надо было решать проблемы социального плана: наем жилья, питание. Благоустроенных и удобных общежитий не было и во многих мужских университетах. Большинство студентов было озабочено поиском более или менее удобной и дешевой квартиры. Приличное жилье в столице стоило 20-25 рублей в месяц. Многие были вынуждены снимать квартиры на окраине города у сомнительных личностей, при этом путь до университета занимал иногда до двух часов. Иванов А.Е. даже отмечает случаи, когда студенты вообще не имели жилья и ночевали в подворотнях, на набережных и в монастырях [17, С. 294]. Если молодые люди могли на такое решиться, то для девушки такое было в принципе невозможно с моральной стороны. Среди женских высших учебных заведений известно общежитие на Высших Бестужевских курсах, для которого в 1895 году было выстроено специальное помещение. Плата за проживание в таком общежитии-интернате составляла 300 рублей в год. Не имевшие возможности пользоваться общежитием могли прибегнуть к услугам Общества дешевых квартир. Это общество нанимало большие квартиры и сдавало курсисткам для проживания группами 9–30 человек. Такое жилье стоило 5–6 рублей в месяц, что было значительно дешевле самостоятельного найма жилья. Также те, кому довелось поучиться на Бестужевских курсах, вспоминали, что при курсах была очень дешевая столовая, где вкусный обед можно было получить за 11 копеек [24, С. 27]. Таким образом, Бестужевские курсы были самыми обеспеченными в бытовом плане, но именно они были наименее доступны выпускницам епархиальных училищ.

Таким образом, только незначительная часть епархиалок после выпуска продолжала учебу и занимала следующую ступень учащейся молодежи – становилась курсистками. По данным отчетов обер-прокурора из 12 683 выпускниц епархиальных училищ 1907, 1910, 1912, 1915 годов только 607 поступили на высшие курсы, что составляет 5 % [17, С. 153].

Заключение

Если говорить о специфике епархиальных училищ как социального лифта, то следует выделить следующие черты. Учеба в епархиальном училище гарантировала воспитаннице переход в более стабильный социальный статус, чем просто социальная роль матушки. Имея право на учительство девушка уже не зависела от выхода в замужество, доходности прихода мужа и др. Также епархиальные училища давали возможность получить образование дочерям из очень небогатого сословия. Однако специфика второй половины XIX века состоит в том, что жизнь стала предлагать женщинам совершенно различные и разнообразные стратегии жизненной реализации. Сложно и трудно, но начала пробивать себе дорогу идея высшего женского образования, сфера женского труда также расширилась. Все это поставило систему епархиальных училищ на определенный уровень, который оказался не очень высоким. Социальные перспективы воспитанниц оказались не очень широкими. Кабинка социального лифта уносила епархиалок наверх социальной лестницы, но не очень высоко, затем останавливалась, и для передвижения дальше девушкам предлагалось пересест в другие кабинки, куда вход был открыт только самым целеустремленным.

Примечания:

1. Попова О.Д. В стенах конвикта... (очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2006.
2. Попова О.Д. Епархиалки в дореволюционной России // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. № 4. С. 58-62.
3. Правила испытания при поступлении учениц в женские гимназии и прогимназии, переводе из класса в класс и окончании курса. Казань, 1892.
4. Гимназии // Новый энциклопедический словарь / Издается под общей ред. И.К. Арсеньева. Т. 13. СПб.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. 1926. С. 533.
5. Государственный архив Рязанской области, Ф. 625. Оп. 4. Д. 94. Л. 140 об.-141.

6. Определение Св. Синода от 23 августа – 5 сентября 1907 года // Церковные ведомости. 1907. № 36. (8 сентября). С. 325.
7. ГАРО, Ф. 625. Оп. 4. Д. 64. Л. 185 об.-186.
8. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения. 1858-1905. СПб., 1905.
9. Все высшие учебные заведения России. Краткая характеристика Высших женских школ. Условия приема. Документы необходимые для поступления. Программы предметов. М., 1916.
10. Шабанова А. Из первых лет женского медицинского образования в России (воспоминания женщины-врача 1-го выпуска) // К свету. Научно-литературный сборник / Под ред. Е.П. Летковой. СПб., 1904. С. 294-301.
11. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М., 1991. С. 373-405.
12. Колесникова Е.Ю. Образование как фактор социальной мобильности в процессе социальной трансформации российского общества // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1 (1). С. 143-149.
13. Яковлева Ю.А. Влияние высшего образования на возможности социальной мобильности выпускников вузов на современном рынке труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 3. С. 319-324.
14. Ruane Christine. Divergent Discourses: Images of the Russian Woman Schoolteachers in Post-Reform Russia // Russian History. Vol. 20. 1993. № 1-4. P. 109-123.
15. Manchester Laurie. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Northern Illinois University Press. 2008.
16. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.
17. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. М., 1999.
18. Котлова Т.Б. «Много хороших воспоминаний осталось от гимназий» (женское образование в России сто лет назад) // Социальная история: Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 254-281.
19. Кузнецов А. Епархиальные женские училища // Церковные ведомости. Прибавления. 1909. № 4. С. 182.
20. Прибавление к Церковным ведомостям. 1897. № 1. С. 30.
21. Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесности Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 гг. СПб., 1998.
22. Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, Д. 965. Л. 5.
23. Историческая записка о Калужском епархиальном училище // Калужские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 4. С. 110-115.
24. Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971.
25. Попова О.Д. Социальная роль женщины в дискуссиях духовенства начала XX века // IX Конгресс этнологов и антропологов России Тезисы докладов. Редактор: В.А. Тишков. Петрозаводск, 2011. С. 472.
26. ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 126а. Л. 11.

References:

1. Popova O.D. V stenakh konvikta... (oчерki povsednevnoi zhizni zhenskikh eparkhial'nykh uchilishch). Ryazan', 2006.
2. Popova O.D. Eparkhialki v dorevoljucionnoi Rossii // Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole. 2007. № 4. S. 58-62.
3. Pravila ispytaniya pri postuplenii uchenits v zhenske gimnazii i progimnazii, perevode iz klassa v klass i okonchanii kursa. Kazan', 1892.
4. Gimnazii // Novyi entsiklopedicheski slovar' / Izdaetsya pod obshchei red. I.K. Arsen'eva. T. 13. SPb.: Brokgauz F.A. i Efron I.A. 1926. - S. 533.
5. Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti, F. 625. Op. 4. D. 94. L. 140 об.-141.

6. Opređenje Sv. Sinoda ot 23 avgusta – 5 sentyabrya 1907 goda // Tserkovnye vedomosti. 1907. № 36. (8 sentyabrya). S. 325.
7. GARO, F. 625. Op. 4. D. 64. L. 185 ob.-186.
8. Zhenskie gimnazii i progimnazii Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1858-1905. SPb., 1905.
9. Vse vysshie uchebnye zavedeniya Rossii. Kratkaya kharakteristika Vysshikh zhenskikh shkol. Usloviya priema. Dokumenty neobkhodimye dlya postupleniya. Programmy predmetov. M., 1916.
10. Shabanova A. Iz pervykh let zhenskogo meditsinskogo obrazovaniya v Rossii (vospominaniya zhenshchiny-vracha 1-go vypuska) // K svetu. Nauchno-literaturnyi sbornik / Pod red. E.P. Letkovoï. SPb., 1904. S. 294-301.
11. Sorokin P. Sotsial'naya stratifikatsiya i mobil'nost' // Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo / obshch. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov. M., 1991. S. 373-405.
12. Kolesnikova E.Yu. Obrazovanie kak faktor sotsial'noi mobil'nosti v protsesse sotsial'noi transformatsii rossiiskogo obshchestva // Yuzhno-Rossiiskii forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. 2010. № 1 (1). S. 143-149.
13. Yakovleva Yu.A. Vliyanie vysshego obrazovaniya na vozmozhnosti sotsial'noi mobil'nosti vypusknikov vuzov na sovremennom rynke truda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. 2008. № 3. S. 319-324.
14. Ruane Christine. Divergent Discountres: Images of the Russian Woman Schooltaechers in Post-Reform Russia // Russian History. Vol. 20. 1993. № 1-4. P. 109-123.
15. Manchester Laurie. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Northern Illinois University Press. 2008.
16. Leont'eva T.G. Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. M., 2002.
17. Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka. M., 1999.
18. Kotlova T.B. «Mnogo khoroshikh vospominanii ostalos' ot gimnazii» (zhenskoe obrazovanie v Rossii sto let nazad) // Sotsial'naya istoriya: Ezhegodnik. 2004. M., 2005. S. 254-281.
19. Kuznetsov A. Eparkhial'nye zhenskie uchilishcha // Tserkovnye vedomosti. Pribavleniya. 1909. № 4. S. 182.
20. Pribavlenie k Tserkovnym vedomostyam. 1897. № 1. S. 30.
21. Shubkin N.F. Povsednevnyaya zhizn' staroi russkoi gimnazii. Iz dnevnika slovesnosti N.F. Shubkina za 1911-1915 gg. SPb., 1998.
22. Nauchnyi arkhiv Ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika, D. 965. L. 5.
23. Istoricheskaya zapiska o Kaluzhskom eparkhial'nom uchilishche // Kaluzhskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya. 1905. № 4. S. 110-115.
24. Nasha dan' Bestuzhevskim kursam. Vospominaniya byvshikh bestuzhevok za rubezhom. Parizh, 1971.
25. Popova O.D. Sotsial'naya rol' zhenshchiny v diskussiyakh dukhovenstva nachala XX veka // IX Kongress etnologov i antropologov Rossii Tezisy dokladov. Redaktor: V. A. Tishkov. Petrozavodsk, 2011. S. 472.
26. GARO. F. 625. Op. 1. D. 126a. L. 11.

УДК 94(47).08 +37.014+316.444.5

**Женские епархиальные училища как механизм социальной мобильности
на рубеже XIX–XX веков**

Ольга Дмитриевна Попова

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: od-popova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются возможности профессиональной реализации и социальной мобильности для выпускниц женских епархиальных училищ. В статье показывается, что епархиальные училища были первыми учебными заведениями для выходцев из небогатых сословий. Проведенный анализ учебных планов епархиальных училищ и женских гимназий показал более низкий уровень образования в женских епархиальных училищах. В статье показывается, что выпускницам епархиальных училищ гораздо труднее было реализовать себе в профессии и сложнее поступить на высшие женские курсы.

Ключевые слова: епархиальные училища, женские гимназии, учебные планы, конкурс в высшие учебные заведения, дочери духовенства, социальная мобильность, социальная роль, профессиональная реализация.